

Ф.Н. Устрялов

Слово и дело

комедия и пяти действиях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф11

Ф11 **Ф.Н. Устрялов**
Слово и дело: комедия и пяти действиях / Ф.Н. Устрялов – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 150 с.

ISBN 978-5-458-08127-6

Печать дозволяется цензором В. Бекетовым.

ISBN 978-5-458-08127-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СЛОВО И ДЪЛО.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Ф. Н. Устрялова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАБИНЕТЪ ЛАВИНСКАГО. НАПРАВО ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛЪ, ЗАВАЛЕННЫЙ КНИГАМИ, И БОЛЬШОЕ КРЕСЛО. НАЛѢВО КУШЕТКА. НА ОКНАХЪ ШТОФНЫЯ ЗАНАВѢСКИ. НАПРАВО ДВЕРЬ. УТРО.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛАВИНСКІЙ (*выходитъ изъ боковой двери, въ вицъ-мундиръ, съ портфелемъ подъ мышкою, шляпою на голову; и надѣваетъ перчатки. Смотря на стѣнные часы*).
Половина перваго. Опять проспалъ!.. Развѣ остаться дома? Нѣтъ, пеловко. И то поздно прихожу въ департаментъ; опять начальникъ отдѣленія замѣ-

титъ... Ну, хорошо;—положимъ, пойду. А потомъ что? Послѣ службы, падо взять билетъ на балъ въ дворянское собраніе, — тамъ будетъ Наденька. Во вторыхъ, зайти къ Лушину; въ третьихъ... (*слышеть звонокъ*) Кто бы это былъ?... Въ третьихъ, зайти къ Мартовымъ и спросить, въ которомъ часу онѣ поѣдутъ... Только скверно, что придется во время обѣда; развѣ... (*снова звонокъ*) Оома! Чортъ знаетъ, гдѣ онъ сидитъ! Оома!..

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛАВИНСКІЙ, ООМА (*съ передникъ, за-
спанный и съ кирпичемъ въ рукъ*).

ЛАВИНСКІЙ.

Гдѣ ты шляешься? Два раза звонили. . .

ООМА.

Я, сударь, самоваръ чистилъ, не слыхалъ. . .
Надо будетъ изъ передней колокольчикъ провести
въ кухню, — совсѣмъ не слыхать. . .

ЛАВИНСКІЙ.

Хорошо, хорошо. Ты сперва отвори дверь, а по-
томъ говори.

ООМА.

Сейчасъ, сударь.—Что прикажете сказать?

ЛАВИНСКІЙ.

Скажи, что дома нѣтъ. Нечего толковать, когда на службу пора. . . *(звонокъ)* Иди же! *(Ома уходитъ)*
Хотѣлось бы дома остаться. . . До сихъ поръ не кончилъ повѣсти. . . А теперь заняться хорошо бы.

ОМА *(возвращается)*.

Я говорилъ, что дома нѣтъ, да они говорятъ, что подождутъ въ кабинетѣ.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты спрашивалъ фамилію?

ОМА.

Спрашивалъ.

ЛАВИНСКІЙ.

Ну?

ОМА.

Господинъ Хватаевъ.

ЛАВИНСКІЙ.

И не слыхалъ про такого! . . Скажи. . . Да ты, вѣрно, перевралъ?

ОМА.

Никакъ нѣтъ-съ. .

ЛАВИНСКІЙ.

Вижу, что перевралъ. Спроси еще разъ хорошенько. . .

ОМА.

Да помилуйте. . .

ЯВЛЕНИЕ III.

ЛАВИНСКИЙ, ОМА, ВЕРТЯЕВЪ *(съ бородой, въ толстыхъ замшевыхъ перчаткахъ, волосы зачесаны назадъ. На немъ старомодный сюртукъ, узкіе панталоны, большіе сапоги. Говоритъ и смѣется громко).*

ВЕРТЯЕВЪ.

Такъ и зналъ, что дома! . . и, думаю, только что всталъ. . . Сибаритъ, сибаритъ! . . *(подходитъ къ нему, жметъ крепко руку и смотритъ въ глаза).*

ЛАВИНСКИЙ.

Вертяевъ! здравствуй, дружище! . . Какъ я радъ! какъ давно не видались! Цѣлыхъ два года. . .

ВЕРТЯЕВЪ.

Давно, Петя, давно! А я къ тебѣ на цѣлый день. . .

ЛАВИНСКИЙ.

Я очень радъ. . . Мы съ тобой вмѣстѣ пообѣдаемъ, а часовъ въ семь я отправлюсь. . . извины, мнѣ необходимо. . .

ВЕРТЯЕВЪ.

И отлично! А я, братъ, съ шести часовъ на ногахъ.

ЛАВИНСКИЙ (*Оомль*).

Ты, господинъ Хватаевъ, принеси—ка завтракъ. Я сейчасъ вернусь,—надѣну только сюртукъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЕРТЯЕВЪ, ООМА.

ВЕРТЯЕВЪ.

Какъ же ты, братецъ, не хотѣлъ меня впустить, а? вѣдь мы съ твоимъ бариномъ старые товарищи, вмѣстѣ въ университетѣ были.

ООМА (*стыдливо*).

Я не зналъ, сударь, что вы арситетскіе. . . А то я бы съ удовольствіемъ. . . Какъ можно съ! . .

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, ЛАВИНСКИЙ (*съ сюртукъ*).

ЛАВИНСКИЙ (*Оомль*).

Что жъ завтракъ? (*Оома уходитъ*). Ну, садись, дружище, бери папиросу,—ты вѣдь сигаръ не куришь,—и рассказывай, что ты дѣлалъ, гдѣ былъ, куда тебя занесло?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я, братецъ, жилъ все время въ Тамбовской губерніи, на мыловаренномъ заводѣ, управляющій я

былъ хоть куда, жалованье получалъ отличное, дѣло шло какъ по маслу. . . только, подѣ конецъ, надоѣло жестоко. Надо идти дальше. Деньжонокъ отъ жалованья я накопилъ довольно, и теперь только и думаю, какъ бы удрать за границу, годика на два. Ты знаешь, что химія была моя страсть и въ университетѣ: заведу себѣ маленькую лабораторію и засяду въ ней, какъ кротъ въ норкѣ. Впрочемъ я все тотъ же, что и прежде,—тотъ же Вертяевъ, съ которымъ, помнишь, ты не разъ спорилъ до хрипоты. Нѣтъ, ты мнѣ скажи про себя: ты, я вижу, поздоровѣлъ, потолстѣлъ и, вѣроятно, облѣнился. Что ты дѣлаешь?

ЛАВИНСКІЙ.

Во первыхъ, служу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Я и позабылъ, что на тебѣ былъ виць-мундиръ. Служишь?—для чего?

ЛАВИНСКІЙ.

Какъ для чего? чтобъ приносить, по возможности, пользу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Видно, университетское еще не отстало! Я увѣренъ, что ты службой тяготишься, честолюбія у

тебя нѣтъ, въ деньгахъ не нуждаешься. Слѣдовательно, ты служишь по принципу. Но такіе люди, какъ ты, мой милый, для службы не годятся. Въ тебѣ нѣтъ, да я думаю и не будетъ, ни закалу, ни выдержки, ни охоты. Лучше займись другимъ, чѣмъ попусту тратить время. Это будетъ полезнѣе.

ЛАВИНСКІЙ.

Чѣмъ же?

ВЕРТЯЕВЪ.

Пиши, у тебя есть способность.

ЛАВИНСКІЙ.

Я и то пишу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Какъ же я ничего не читалъ твоего?

ЛАВИНСКІЙ *(съ запинкой)*.

Я еще не отдавалъ въ печать.

ВЕРТЯЕВЪ.

Да есть ли у тебя что отдавать?

ЛАВИНСКІЙ *(улыбаясь)*.

Правда, что немного.... т. е. написано немного. А плановъ у меня довольно. Теперь оканчиваю повѣсть.

ВЕРТЯЕВЪ.

А ты ее началъ?

ЛАВИНСКІЙ.

Н-да...

ВЕРТЯЕВЪ (*садясь на кушетку и разваливаясь*).

Такъ то вы всѣ идеалисты! А помнишь, какъ все толковалъ о долгѣ, да о святости труда? Вѣдь тебѣ ужъ двадцать семь лѣтъ, если не ошибаюсь. Чтожъ ты сдѣлалъ? все думалъ? Мы, такъ пазываемые скептики да матеріялисты, умѣемъ хоть мыло варить, — и то хорошо.

ЛАВИНСКІЙ.

Я и не думаю забывать того, что говорилъ. Только мнѣ надо подготовиться, выбрать дорогу.

ВЕРТЯЕВЪ.

Нѣтъ, братъ, слишкомъ много въ тебѣ энциклопедичности. Вотъ что! Надо быть строже къ самому себѣ: взялся за одно, не бросайся на другое.

ЛАВИНСКІЙ.

Ты судишь по себѣ... (*Тома приноситъ завтракъ*)
Милости просимъ.

ВЕРТЯЕВЪ (*подходитъ къ столу садится и пьетъ*).

Знаешь что, Петя?

ЛАВИНСКІЙ.

Что?

ВЕРТЯЕВЪ.

Я вѣдь думалъ найти тебя не одного.

ЛАВИНСКІЙ.

Какъ такъ?

ВЕРТЯЕВЪ.

Такъ... Я думалъ, что ты женатъ, и удивляюсь, какъ ты до сихъ поръ не женился! Это должно очень идти къ тебѣ и совершенно въ твоихъ правилахъ.

ЛАВИНСКІЙ.

Можетъ быть, это и пошло бы ко мнѣ, только, какъ видишь, я еще не женатъ. Между прочимъ, что ты попалъ на эту рыбу? Попробуй котлетъ.

ВЕРТЯЕВЪ.

Все равно, что ни ѣсть. Я такая же акула, какъ и прежде. Гмъ! такъ ты не женатъ? А жаль. Хотѣлось бы посмотрѣть на тебя съ женою.

ЛАВИНСКІЙ.

Я не вижу тутъ ничего любопытнаго. Ты вѣдь говоришь такимъ сатирическимъ тономъ о женитбѣ, любви и т. п. изъ желанія оригинальничать...

ВЕРТЯЕВЪ.

Совсѣмъ пѣтъ. Ты знаешь мой взглядъ на жизнь: я вѣрю въ то, что знаю, признаю то, что вижу, и уважаю то, что приноситъ пользу. До прочаго мнѣ пѣтъ дѣла. Всѣ эти идеалы да мечтанья, сладость и нѣга—не по моей части, во первыхъ потому, что это значить только тѣшить самого себя и играть кукольную комедію, а во вторыхъ, это бы и не пристало къ моей физіономіи ...

ЛАВИНСКІЙ.

Отчего же? ты совсѣмъ не такъ дурень, какъ думаешь. Надѣнь порядочный сюртукъ, остриги бороду, не носи такихъ жестокихъ сапоговъ...

ВЕРТЯЕВЪ (*смотря на сапоги*).

Я, братъ, за эти сапоги заплатилъ десять рублей и ношу цѣлый годъ... Какъ новые!.. а свои ты проносишь мѣсяца четыре, и баста!.. Но не объ этомъ рѣчь. Я говорю, что чувство блажь, которую папускаютъ на себя люди отъ бездѣлья. Я понимаю, напримѣръ, что можно заниматься женщиною и даже любить ее, но опять таки любить не въ смыслѣ любви, не такъ какъ вы понимаете, а любить, какъ свое созданіе, какъ авторъ любитъ свое произведеніе, въ которомъ осуществилъ свои за-